<!-- /* Font Definitions */ @font-face {font-family:"Cambria Math"; panose-1:2 4 5 3 5 4 6 3 2 4; mso-font-charset:1; mso-generic-font-family:roman; mso-font-format:other; mso-font-pitch:variable; mso-font-signature:0 0 0 0 0 0;} /* Style Definitions */ p.MsoNormal, li.MsoNormal, div.MsoNormal {mso-style-unhide:no; mso-style-qformat:yes; mso-style-parent:""; margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; mso-pagination:widow-orphan; font-size:12.0pt; font-family:"Times New Roman","serif"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} a:link, span.MsoHyperlink {mso-style-unhide:no; color:blue; text-decoration:underline; text-underline:single;} a:visited, span.MsoHyperlinkFollowed {mso-style-noshow:yes; mso-style-priority:99; color:purple; mso-themecolor:followedhyperlink; text-decoration:underline; text-underline:single;} p {mso-style-unhide:no; mso-margin-top-alt:auto; margin-right:0cm; mso-margin-bottom-alt:auto; margin-left:0cm; mso-pagination:widow-orphan; font-size:12.0pt; font-family:"Times New Roman","serif"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} .MsoChpDefault {mso-style-type:export-only; mso-default-props:yes; font-size:10.0pt; mso-ansi-font-size:10.0pt; mso-bidi-font-size:10.0pt;} @page Section1 {size:595.3pt 841.9pt; margin:2.0cm 42.5pt 2.0cm 3.0cm; mso-header-margin:35.4pt; mso-footer-margin:35.4pt; mso-paper-source:0;} div.Section1 {page:Section1;} /* List Definitions */ @list l0 {mso-list-id:1165516084; mso-list-template-ids:-813788512;} @list l0:level1 {mso-level-tab-stop:36.0pt; mso-level-number-position:left; text-indent:-18.0pt;} ol {margin-bottom:0cm;} ul {margin-bottom:0cm;} -->

ВОЗМОЖНОСТИ СОВМЕЩЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ В СОЦИОЛОГИИ

Ядов В.А.

Ядов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальных трансформаций Института социологии РАН. **Адрес:** 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5.

Различия теоретических подходов в социологических "гранд-теориях", а тем более обилие частных теорий порой вызывают сомнение в том, могут ли гуманитарии быть причисленными к благородному сословию ученых в классическом понимании "подлинной науки". В западноевропейской академической терминологии утвердилось размежевание

областей знания на science и humanities. Последние являют собой лишь некоторое подобие науки. Р. Коллинз даже озаглавил одну из своих статей "Социология: наука или антинаука?" [1]. Рассмотрим проблему в следующих аспектах:
а) Что означает полипарадигмальность в науке, в особенности применительно к социологии?
б) Какие исследовательские методологии возможны в ситуации множественности теоретических подходов?
в) Существует ли потребность в особой "российской теории" для объяснения и понимания происходящих у нас социальных процессов?

Понятие парадигмы в социологии

В каждой научной дисциплине имеется множество теорий разной степени общности; необходимо определить некоторые системные связи между ними, а также их отношение к различным формам эмпирического знания, замечает В. Степин [2]. В связи с этим возникает потребность в понятии "научная парадигма", введенном Томасом Куном. Он рассматривал научную парадигму не только в качестве признанной "модели" постановки и решения проблем; он выделял в ней некую "метафизическую" составляющую, "систему онтологических постулатов, конституирующих научную картину мира" [3].

Выбирая круг проблем и методологию их решения, исследователь опирается на некоторое представление о научной картине мира, а "ядро исследовательской программы", по И. Лакатосу, определяет, какие проблемы в принципе подлежат исследованию, а какие не имеют смысла в рамках данной программы [4].

Исходя из этого можно конкретизировать определение парадигмы применительно к социологии: *парадигма в социологии есть такое системное представление о взаимосвязях различных теорий, которое включает: (а) принятие некоторой общей для данных теорий философской ("метафизической") идеи о социальном мире с ответом на критериальный вопрос: что есть "социальное"? (б) признание некоторых общих принципов, критериев обоснованности и достоверности знания относительно социальных процессов и явлений и, наконец, (в) принятие некоторого общего круга проблем, подлежащих или не подлежащих исследованию в рамках данной парадигмы.*

Предложено немало классификаций парадигмальных моделей, которые по сути представляют собой метапарадигмы. Так, Дж. Ритцер, один из ведущих авторов

метатеоретических построений, выделяет три парадигмы — социальных фактов, социальных конструкций и социального поведения, каждая из которых утверждает свою онтологию социального мира [5]. Для первой — это надындивидуальные социальные структуры (например, Э. Дюркгейм), для второй — совокупности интенционально действующих социальных субъектов (М. Вебер) и для третьей — собственно поведение этих субъектов (бихевиоризм). Т. Джонсон, К. Дандекер и К. Эшуорт предложили классифицировать социологические парадигмы по критериям дихотомизации представлений о природе социальной реальности как материальной или идеальной и по критерию философского номинализма или реализма [6]. Можно привести и другие примеры.

Представляется, что построение квадрантов для выделения метатеоретических парадигм — не самая удачная методология в силу формальности исходного принципа — непременной дихотомизации. Если понимать существо социологической парадигмы, как оно определено выше, то ключевым фактором ее конструкции будет научная картина мира, доминирующая в данную эпоху. Сама по себе эта картина не является "интимной" составляющей социологической парадигмы; это скорее та самая метафизика, которая диктует образ социального и ответ на критериальный вопрос о соотношении объективных закономерностей социальных изменений и роли социальных субъектов в этих процессах. Именно на этом основании формируется ядро исследовательских программ: что подлежит исследованию и какой должна быть его методология, чтобы признать результаты отвечающими критериям научного знания.

Здесь-то и возникает граница между естествознанием и гуманитарными науками. П. Штомпка отлично сформулировал существо разделительной полосы в предисловии к русскому изданию своей книги: "Траектории движения планет не меняются в зависимости от прогресса астрономии, но уровень социологического знания существенно влияет на направление социальных преобразований" [7, с. 9].

То, что мы своими теориями и исследованиями социальных реалий воздействуем на ход событий, сегодня абсолютно очевидно. И вместо поляризаций в системе эвклидовых "плоских координат", на мой взгляд, разумно обратиться к диалектическому принципу классификации социологических метапарадигм[1], а именно — противополаганию объективизма и субъективизма с переходом в некий синтез, удерживающий существенное в обоих подходах путем, как формулировал Гегель, "снятия", а не тотального отвержения полярностей.

Первопричина возникновения принципиально иной метапарадигмы — отвержение

некоторой научной картины мира, которая представляется устаревшей. Первая такого рода "парадигмальная революция" была следствием исторического диспута о методе в конце XIX в.: объяснение социального или (плюс к тому) его понимание. Вильгельм Дильтей заимствовал термин "герменевтика" из практики богословов, стремившихся истолковать священные тексты, но внес в него иной смысл: следует установить понимание между создателем некоторого текста и его интерпретатором, для чего необходимо осознать "дух эпохи". И вправду, нет нужды "понимать" траектории движения планет, но смысл социальных действий понимать необходимо. Из великих социологов М. Вебер первым освоил герменевтику как методологический принцип интерпретации социального действия в его подлинном культурном контексте.

Мощным аргументом в пользу такого подхода, как ни странно, оказалось открытие физиками мира высоких энергий: микрочастицу невозможно одновременно фиксировать по ее массе и пространственным координатам потому, что прибор воздействует на состояние поля высоких энергий. Физики нашли решение — расчеты погрешностей эксперимента с применением поправочного коэффициента ("принципа дополнительности" Нильса Бора). В советское время один из моих коллег предложил сконструировать такой же принцип для социологического исследования. На каком основании? На том, что, как утверждалось в то время, возможна одна единственная научная социология, выявляющая объективные закономерности социальных процессов, — марксистко-ленинская.

Сегодня мы отчетливо сознаем, что фундаменталистский натур-объективизм способен привести к ложному социальному знанию. У. Томас утверждает: "Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям" [9]. Эта формула заслужила статус "теоремы Томаса".

Подтверждение формулы Томаса мы наблюдаем ежедневно. Нам непрерывно навязывают многообразные конструкции российской жизни и ее "хозяев", равно как и образы врага. Натур-объективизм здесь абсолютно неуместен. Кто возьмется рассчитать "поправочный коэффициент" к демонстрации картинок чеченских событий или военных действий в Ираке? Как получается, что действующий российский президент устойчиво пользуется высоким доверием граждан, а все социальные институты, призванные обеспечивать порядок и законность, — нет?

В приведенном афоризме Штомпки я вижу явное влияние идей Карла Поппера о самореализующихся и самопарализующихся предсказаниях. Маркс никогда не утверждал, что социализм может быть построен в отдельно взятой стране.

Объективные закономерности развития человеческой цивилизации по его теории должны были привести к всемирной пролетарской революции и господству непосредственного обмена деятельностью между людьми (снятию отчуждения труда путем ликвидации рыночных механизмов — продажи своей рабочей силы, своего истинного человеческого существа). Большевики выдвинули иную версию революционного переустройства мира — построение социализма в "отдельно взятой стране", самом слабом звене мирового капитализма. Итог? Создание Советского Союза радикально повлияло на "движение планет" в социальной галактике.

Последний парадигмальный сдвиг связан с изменением научной картины мира, утверждением процессуальности изменчивости, в том числе и траекторий планет (трансформация галактических систем, обнаружение новых "черных дыр", которые вбирают в себя космическую материю и образуют что-то непонятное вроде "антимиров"). Эволюционная биология так далеко ушла от работ ее основателя, что Ч. Дарвин с трудом понял бы, что же происходит с "выживанием наиболее приспособленных", а главное — в чем причины мутаций, нынче объясняемых биохимиками принципиально иначе.

В теоретической социологии этот сдвиг детерминирован резким возрастанием динамизма социальных изменений: глобализация, распад системы социалистических стран, возрастание природных и техногенных рисков и т. д. Короче, если сам мир изменяется, то может ли оставаться неизменной социальная теория, претендующая на его объяснение и понимание[2]? Можно предложить следующую классификацию социологических метапарадигм и связанных с ними предпосылок и следствий (табл. 1).

Таблица 1

Социологические метапарадигмы

Историко-культурные этапы в науке

Научная картина мира

Критерий научности

Что есть общество или социальное

Критерий обоснованности знания (социального в частности)

Классическая наука

Мир не зависим от нас. Надо выявить его свойства и законы развития

Воспроизводимость знания путем применения той же методологии

Целостная система

Стройная непротиворечивая теория

Постклассика — модерн

Мир объективен, но ученый не может адекватно его отразить

В физике — принцип дополнительности. Понимающая социология

Социальные взаимодействия

Подтверждение предсказанного и ранее не наблюдавшегося

Постпостклассика. Наука нашего времени (граница XX–XXI вв.)

Мир в постоянном изменении

Ясность исходных посылок и методологии. Дискурс в научном сообществе

Конструкции непрерывно меняющейся реальности агентами, которые и производят социальные

Неоднозначность, то есть множественность объяснения изучаемых процессов (феноменов)

Комментарий к таблице. Классическое наследие в социологической теории соответствует первой горизонтали нашей схемы. Великие теоретики XIX в., традиции которых завершаются Т. Парсонсом (да и П.А. Сорокиным), стремились к созданию именно целостной и всеобъемлющей макротеории, отвергая любые иные построения с той же претензией. В послевоенные 40-е годы, по ироническому выражению Э. Гидденса, структурный функционализм приобрел статус "единственно научной теории". Противостояние на политико-идеологической арене в не меньшей мере стимулировало представителей противоположного лагеря к утверждению о "единственно научном подходе" марксизма

[3]

.

Постклассический период в науке, каковой трудно отделить жесткой границей от современности, знаменуется несомненным отказом от следования "единственно правильной" теории и порождает своего рода гибриды. Так, П. Бурдье называл свой подход "структуралистским конструктивизмом", или "конструктивистским структурализмом". Гидденс утверждает "дуальность" структур.

Нынешнее состояние макротеории характеризуется *сверх*множественностью: конструктивисты разделились на два лагеря — радикалов, действующих в согласии с "теоремой Томаса", и вполне умеренных, как П. Бергер и Т. Лукман, признающих существенное влияние объективных социальных процессов на субъективные конструкции реальности [4].
Чикагская школа "включенных наблюдателей", культурантропологи, произошедшие из классических антропологов (например, Бронислав Малиновский или Маргарет Мид) и закономерно признаваемые социологами, возрожденная историческая социология, политология, не способная размежеваться с социологией политики, лингвистика, культурология, претендующая на статус макросоциологической теории, целый ряд психологических концепций, которые излагаются в нормальных социологических пособиях — психоаналитики, бихевиористы и когнитивисты (а сегодня, в лице Кеннета Гергера, и постмодернисты)
[5]
... Короче говоря, границы между социальными дисциплинами стираются. Стираются границы и между социальными дисциплинами и естественнонаучным знанием. Присовокупим к названному ряду теорию динамического хаоса социальных систем Ильи Пригожина и синергетику, науку об искусственном интеллекте; Гидденс ввел в социологию компонент природной телесности, а А. Страусс совершил переворот в социологии медицины и помимо ролей врача и пациента ввел "роль" медицинского инструмента.

Возникает вопрос: какой может быть в данных условиях теоретико-методологическая стратегия современного социологического исследования?

Совмещение различных теоретических подходов

Для начала исключим из дальнейшего анализа постмодернистский подход в его проекции на предмет нашего рассмотрения — состояние современной теории. Р. Коллинз справедливо замечает, что постмодернизм понимает социологию всего лишь как интеллектуальный дискурс, далекий от познавательной и практической функции научной дисциплины, поскольку это направление вообще отрицает существование законов социального мира [1]. С. Сидман, анализируя труды М. Фуко и Ж.-Ф. Лиотара, заключает: "Тот тип социальных теорий, что сегодня имеет место, должен быть заменен многообразием "социальных теорий" (иронические кавычки. — *В.Я.*) в виде широкого социального нарратива (то есть рассказа, описания), каковой имеет дело с историей возникновения и развития, описанием кризисов, упадка или прогресса на основе регистрации реальных событий, не претендуя на единственно верное понятийное толкование зеркальных образов социального универсума" [цит. по 12, с. 467]. Социальное существует лишь в пространстве возможного, оно "гибнет в претензии на реальное" [12, с. 467].

Действительно, претендовать на открытие истины социальная наука не может хотя бы потому, что истина всегда относительна. В практическом применении обоснованное социальное знание должно быть адекватным и предмету исследования, и некоторой практической задаче. Например, что есть социальное расслоение в современной России? Если мы хотим достичь цивилизованного сотрудничества работодателей и наемных работников, используя стратегию переговоров и трипартизма, наиболее адекватной будет теория классов. Если наша задача — понять, в какой мере российское общество продвигается к устойчиво развивающемуся рыночному и демократическому социуму, тогда "ищем" средние слои и беспокоимся об их численном доминировании. Если же мы хотим осмыслить механизмы социальных трансформаций, обращаемся к активистской концепции Т. Заславской [13]. Она выделяет десяток групп в соответствии с их социальным ресурсом, ориентированным на реформацию, противостояние изменениям и даже возврат к социалистическим порядкам.

Другое дело — подменять социальное знание "широким нарративом", описанием социокультурных "текстов", каковые каждый волен понимать, как ему вздумается. Социальная наука во все времена существует для удовлетворения одной из важнейших потребностей — понимания существующего общества и прогнозирования его развития. В противном случае этот социальный институт утрачивает свои основные функции и превращается в арену для состязаний в наукообразном красноречии, в беспредельный "дискурс" амбициозных субъектов, занятых демонстрацией своего интеллекта.

Итак, какие же исследовательские стратегии возможны в полипарадигмальном пространстве современной социологии? Здесь я во многом опираюсь на статью Ч. Ками и Н. Гросса, предпринявших незавидный труд обозреть проблему [12]. Однако я

попытаюсь несколько реконструировать и пополнить их анализ. Несомненно продуктивной представляется *идея Жоржа Гурвича о "комплементарном" объяснении тех или иных социальных проблем* , процессов, явлений [12, p. 458]. Автор имеет в виду взаимодополняющие истолкования проблем, то есть применение разных теоретических подходов. Эта стратегия великолепно работает при использовании теорий среднего уровня (по Р. Мертону).

В длительных исследованиях социальных идентификаций россиян, их ориентаций в пространстве "своих" и "не своих" групп и общностей мы с коллегами активно прибегаем к комплементарности толкования разного рода данных [14–18]. Так, Г. Зиммель объясняет функции "чужаков", которые, по его выражению, приходят не затем, чтобы позже уйти, но чтобы остаться, и далеко не всегда осваивают культуру своей новой среды[6]. К. Маркс помогает истолковать солидаристические интенции некоторых, как правило, депривированных групп населения. Сторонники теории рационального выбора объясняют те же процессы трезвым расчетом выгоды в виде способности "мы-сообществ" обеспечить поддержку и защиту в ответ на готовность поддержать "своих". Этот аргумент отлично применим к многократно фиксированному факту наибольшей близости в понятиях "мы как свои люди" семейных, дружеских, поколенческих и иных "мы-групп", которые доминируют в нынешних социальных идентификациях россиян. Психоаналитики, утверждая защитную функцию "отца" в человеческом подсознании, вполне закономерно постулируют неизбежность присутствия тех, от кого следует защищаться [7]. Бихевиористы акцентируют внимание на ситуативности, прямой зависимости социальной идентификации от социального контекста. С. Московиси выдвигает идею своего рода идентификационной матрицы, в которой одни ячейки в данной ситуации могут быть активизированы, другие же образуют фоновую структуру, "задний план". Ни одно из приведенных толкований не представляется "лишним", но обеспечивает многосмысловое понимание проблемы.

Дж. Тернер предлагает другую продуктивную стратегию, которую он называет *аналитич еским теоретизированием*
: это одновременное движение от "интересной философии" и наблюдаемых фактов к некоторым "сенсибилизирующим обобщениям" [19]. При этом допустимо использование любых "подходящих" теорий, способных прояснить проблему
[8]
.

Третья возможная стратегия — *интеграция различных теоретических подходов с помощью разнообразных исследовательских инструментов*
[9]

. В ряду таких универсальных инструментов — методология Пьера Бурдье, где "хабитус" не что иное, как система отрефлексированных практик прошлого, из чего следуют диспозиции к социальному поведению в данных конкретных условиях. К такого же рода инструментам относится принцип
INIO
П. Штомпки [7, с. 28–30]. Любую социокультурную общность и социальную систему, действительно, можно проанализировать, принимая во внимание четыре измерения: идеология (
Ideology
) — система ценностей (Т. Парсонс, и М. Шелер, и, конечно, К. Маннгейм); нормативная система (
Norms
) — десятки нормативистских концепций будут уместны; интеракции (
Interactions
) — преимущественно вертикально организованные, горизонтально-гражданские либо сетевые; наконец, социальный ресурс, социальный и символический капитал групповых и индивидуальных деятелей (
Opportunity
), то есть то, что Т. Заславская применительно к России называет деятельностно-структурной теорией трансформационного процесса; здесь она выделяет социальные группы, обладающие мощным трансформационным потенциалом, не обладающие таковым, настроенные негативно по отношению к происходящим переменам.
INIO
Штомпки заведомо предполагает привлечение множества теоретических концепций к анализу данных. Возможности рассматриваемого инструментария достаточно убедительно продемонстрированы в социологических исследованиях [20].

Следующая стратегия не лишена амбициозности и состоит в развитии некоторой интегрирующей и вполне стройной теории, отвечающей современному динамизму общественных процессов. Это теории П. Бурдье, "постпарсонианский микро-макро синтез" Дж. Александера [21], теория морфогенеза М. Арчер [22], теория структурации Э. Гидденса [23], сетевой подход М. Кастельса [24], активистская теория А. Турена [25], теория социального становления П. Штомпки [26], теория становления правил Т. Бернса [27] и многие другие, а еще ранее — теория фигураций Н. Элиаса [28]. Названные ученые пытаются диалектически интегрировать системно-структурные, конструктивистские и феноменологические идеи[10].

В этих теориях отнюдь не игнорируется роль социальных институтов, первоначально социализирующих "агентов"[11]. Но в полном согласии с Марксом эти в студенческие годы в большинстве своем бунтари левого толка исходят из формулы: люди "находят уже готовыми" "материальные условия их жизни", но собственной практической

деятельностью их изменяют [29].

Вместо социальных структур утверждается метафора "полей", или "сетей", социальных взаимодействий, вместо акцента на стабильность, социализацию личности (Гидденс окрестил эту классическую идею концепцией "обстругивания индивидов под болванов") и упреждение девиаций — принцип "нормальности" трансформационных процессов. П. Штомпка (кстати говоря, избранный на последнем мировом конгрессе Президентом МСА), как уже упоминалось, детально объяснил, в чем именно состоит парадигмальный сдвиг современной социальной теории [10].

Описанные четыре стратегии представляются мне наиболее плодотворными при решении обсуждаемой проблемы. Ч. Ками и Н. Гросс упоминают и другие стратегии, например *"рафинирование" и "расширение" классиков* (неомарксизм, неовеберианство[12] и т. д.),
открытие "белых пятен" в социальной теории
, построение теорий применительно к принципиально новым и ранее не имевшим места социальным процессам (глобализация, например, теория повышенных рисков Э. Гидденса и У. Бека и др.) [12].

В этом ряду определенно заслуживает внимания то, что авторы назвали "обнаружением белых пятен". Так, Гидденс вводит в социологическое осмысление то, что называет "природным" и "телесным". В самом деле, классики социологии были настолько увлечены понимаем природы социальности, что просто-напросто игнорировали "естественное" в социальном. Достаточно обратить внимание на не слишком пространные границы человеческой жизни, чтобы понять многие явления, наблюдаемые в сфере государственной и даже мировой политики. Политические лидеры остаются "смертными человеками" и, в частности, потому нередко предпочитают программировать свои государственные действия в кратко- и среднесрочных временных рамках.

"Белое пятно" обнаружили и феноменологи. А. Страусс в своей "Graunded theory" [31], что трудно адекватно перевести на русский, при наблюдениях действий медицинского персонала и пациентов клиники обнаружил, что большое значение имеет физический медицинский инструментарий: пациенты боятся всякого рода операций, взятия пункции из позвоночника и т. п. Опирающиеся на структурный функционализм теории в социологии медицины ничего подобного не предусматривали и "зацикливались" на концепции принятия либо отвержения роли больного и тому подобных проблемах социальных взаимодействий в клинике. Медицинский инструмент, оперирование им не могли быть предметом изучения в этой парадигме.

Может ли теория иметь "национальные" черты?

Эта проблема, поднятая в работах А.Ф. Филиппова [32][13], сама по себе исключительно важна. Есть исторические примеры, доказывающие полную непригодность теорий, разработанных в одной социально-культурной среде, к обществам существенно иной культуры и институциональных традиций. Так, А. Акивово показал, что западноевропейские рационалистические концепции не способствуют пониманию и объяснению социальных процессов в африканских странах, где то, что феноменологи называют body behaviour, важнее, чем артикулированное действие [33]. Акивово пишет, что из нигерийских парламентских протоколов западный исследователь ничего путного не извлечет. Существенно, с какой интонацией и ужимками депутат произносит свою речь. Она может быть документально расценена как направленная на поддержку некоторого закона, но парламентарии ясно улавливают: оратор решительно против его принятия.

Другой пример этно-национальной направленности социальной теории — страны Латинской Америки. А. Турен пришел к выводу, что в этих странах эффективна "участвующая" социология. Он опробовал свою теорию также и в работе с польской "Солидарностью". Суть такова: обсуждение социальных проблем в длительных дискуссиях с политически активированными деятелями результируется "здесь и сейчас" в практических действиях последних. Попытки Турена вместе с Л. Гордоном и Э. Клоповым испытать теорию в России (рабочее движение, профлидеры) не принесли ожидаемого эффекта.

В пользу идеи А. Филиппова говорят многочисленные национально-страновые модификации марксизма: ленинизм в России, "чуч хе" в Северной Корее, непонятный "африканский социализм", китайский марксизм — маоцзедунизм — или современная идеологическая трансформация марксизма Дэн Сяопином — все это свидетельства так называемой "индигенизации" социальной теории, ее приспособления к условиям данной страны в данный исторический период[14].

Проблема, поднятая А. Филипповым, сводится к вопросу: является ли Россия страной западной цивилизации? Если да, то современные макросоциальные теории применимы к анализу российских проблем, если нет, необходимо какое-то иное теоретико-методологическое толкование наших реалий.

Ответ мы находим в том, что *процессуально* общество трансформируется в сторону западноевропейской системы и утверждения соответствующих социальных институтов. Плюс глобализация, плюс сетевые взаимосвязи, плюс общемировое информационное пространство, плюс сотрудничество с НАТО и стремление войти в мировой рынок, плюс…

По моему убеждению, российская социология не нуждается ни в какой "национально-специфичной" социальной теории. Вопрос в другом: насколько именно современные активистские и постмодернистские концепции адекватны для анализа российских реалий?

Активистские подходы представляются уместными. Хотя страна пребывает в фазе индустриализма, реформация обеспечивает динамизм всех социальных процессов. Постмодернистский подход как определенная философская идея в числе прочего утверждает, что люди не могут рассчитывать на защиту социальных институтов, не могут контролировать ситуации своей жизнедеятельности, в принципе не защищены и потому "свободны". З. Бауман соглашается с Д.Р. Дюфуром, что "новые индивиды являются скорее брошенными, чем свободными" [цит. по 35]. Та же ситуация и в России, хотя истоки ее принципиально иные по сравнению с западноевропейскими[15].

Другое дело — частносоциологические концепции или целенаправленные модификации общих теорий применительно к российским условиям. К их числу вполне можно отнести упомянутую выше теорию Т. Заславской, концепции "расколотого общества" А. Ахиезера [36], общества "рецидивирующей модернизации" Н. Наумовой [37], "другой Европы" В. Федотовой [38], общества с доминированием вертикально организованных социальных институтов при решающей роли государства и минимальном "фоновом" присутствии горизонтально организованных гражданских институтов С. Кирдиной [39], наброски теории о России как обществе повышенных рисков О. Яницкого [40] и др. Есть продвижение и в развитии общетеоретических идей, например, моно- и полицентричные типы культур и "культурных инсценировок" Л. Ионина [41], социология пространства А. Филиппова [42], синергетические толкования социальных процессов, где математики и физики сотрудничают с философами — В. Степин, С. Курдюмов, Г. Махиненций, Ю. Клемантович и др., упомянутая выше новая трактовка М. Вебера Ю. Давыдовым с акцентом на спекулятивные (не продуктивные) особенности российского капитализма, совершенно отличное от западных концепций "прочтение" глобализационных процессов в проекции на российское общество Н. Покровским [43] и проч.

Можно сказать, что пессимизм по поводу отсутствия теоретического "дискурса" в отечественном социологическом сообществе не вполне оправдан. Утверждение полипарадигмального подхода к анализу социальных процессов, особенно в диссертациях и дипломных работах молодых авторов, позволяет надеяться на то, что российская социология приближается к современному общемировому уровню.

_____

[1]Данный подход первоначально предложил Пер Монсон [8].

[2]Эту проблему подробно рассматривает П. Штомпка в докладе на конференции "Как сегодня строить социологическое образование" [10].

[3]В преамбуле Профессионального кодекса социолога, принятого Советской социологической ассоциацией, говорилось, что исторический материализм и есть общая социологическая теория. Никакой иной не предполагалось в данной функции.

[4]В недавнем интервью Т. Лукман говорит, что приписывание ему и П. Бергеру образа конструктивистов — штамп. Комментируя идею их известной книги, он замечает: "Ее замысел заключался в том, чтобы представить определенный взгляд на социальную теорию в категориях социологии знания. Она избирательно и эклектично основывалась на основных идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии Макса Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида" [11].

[5]О космизме (Н. Чижевский и др.) не берусь говорить, поскольку пока не понимаю данный вклад в объяснение социально конструктивно.

[6]В нашем исследовании это большая подвыборка вынужденных русских переселенцев из Чечни в Краснодарский край. Они чувствуют себя "не теми" русскими, что рядом.

[7]Этим, например, объясняется неустойчиво кратковременная активизация гражданской

идентичности ("Я — россиянин") в периоды бомбежек Югославии силами НАТО, захвата заложников в Москве, в период американо-британского вторжения в Ирак.

[8]Эту стратегию мы использовали в исследовании трудовых отношений на российских предприятиях. "Интересной философией" здесь может быть, пожалуй, лишь конструктивистский подход, а ближайшими частными теориями — неоинституционализм и "теория становления правил" Т. Бёрнса. Эмпирические данные, полученные в результате свободных интервью с руководством и простыми рабочими, приводят к таким, например, "сенсибилизирующим обобщениям", как "постсоветский коллективистический корпоративизм" (С. Климова). В условиях социальных трансформаций "понятия-кентавры" вполне уместны. К их числу можно отнести придуманный Н. Наумовой термин "рецидивирующая модернизация".

[9]Этот прием назван "diverse set of practical tools" [цит. по 12, p. 456].

[10]В ряду интеграторов разных теорий упоминают и Никласа Лумана с его теорией "аутопойэзиса". Сам автор претендует на "всеобъемлющее" понимание и толкование "всего социального". Тем не менее пока не известно ни одного эмпирического исследования, так или иначе опирающегося на теорию Лумана. Скорее всего это некая философская концепция.

[11]Интересно отметить, что теоретики данного, активистского, направления предпочитают термин agency, заимствованный, с одной стороны, у Гегеля и Маркса, а с другой — из области химии (вещество-"агент" запускает химическую реакцию).

[12]Пример — статья Ю. Давыдова [30].

[13]Следует заметить, что в последних публичных выступлениях автор склонен "либерализировать" свою жесткую позицию.

[14]"Индигенизация" теории (термин предложен Мартином Элброу) буквально может быть переведена как ее "отуземливание" [34].

[15]З. Бауман комментировал российскую ситуацию, выступая с докладом в Институте социологии РАН (2002 г.) так: "По форме Россия сталкивается с проблемами незащищенности граждан существующими социальными институтами, равно как это имеет место и в развитых странах Запада. По существу же причины таковой незащищенности явно различны. У вас — это драма ломки прежних и создание новых, еще не окрепших структур".

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // THESIS. 1994. N 4.

2. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 188.

3. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. С. 220–259.

4. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Московский философский фонд "Медиум", 1995.

5. Ritzer G. Contemporary sociological theory. New York: McGraw Hill, 1992.

6. Джонсон Т, Дандекер К., Шуорт К. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // THESIS. 1993. N 1.

7. Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. / Под ред. В. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996.

8. Монсон П. Лодка на аллеях парка: введение в социологию. М.: Весь мир, 1995.

9. Thomas W. Das Kind in Amerika // Person und Sozialverthalten. Neuwield, 1965. S. 114.

10. Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение: Доклад на межд. конференции "Национальные ориентиры и мировой опыт в области преподавания социально-экономических дисциплин в высшей школе" // Социологический журнал. 2001. N 1. С. 148–158.

11. Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. N 4. С. 8.

12. Camic Ch., Gross N. Contemporary development in sociological theory: Current projects and conditions of possibility // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 453-476.

13. Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М.: ВЦИОМ, МВШСЭН., 1997. С. 283–299.

14. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. N 3/4.

15. Данилова Е.Н. Кто есть "мы" в России и Польше? // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001.

16. Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН. Вып. 1. 1993; Вып. 2. 1994.

17. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. N 1. С. 35–52.

18. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности // Мир России. 1995. N 3–4.

19. Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // Теория общества / Под ред. А. Филиппова. М.: Канон-Пресс, 1999. С. 103–157.

20. Полипарадигмальный подход в социологии: опыт применения социокультурной концепции поля INIO Петра Штомпки / Под ред. В.А. Ядова. М.: Центр социологического образования ИС РАН, 1999.

21. Alexander J.C. Theoretical logic in sociology: 4 vols. Berkeley: Univ. Calif. Press, 1982–1983.

22. Arhcer M. Culture and agency: The place of culture in social theory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.

23. Giddens A. The constitution of society. Berkeley: Berkeley Univ. Press, 1987.

24. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ Высшая школа экономики, 2000.

25. Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии / Под ред. М.Н. Грецкого. М: Научный мир, 1998.

26. Sztompka P. Society in action: The theory of social becoming. Cambridge: Polity Press.

1991.

27. Burns T., Dietz T. Cultural evolution: Social rule systems, selection, and human agency // International Sociology. Vol. 7. No. 3. P 259-283.

28. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

29. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3-х т. Т. 1. М.: Политиздат, 1980. С. 8.

30. Давыдов Ю. Российская ситуация в свете веберовского различения двух типов капитализма // Россия: трансформирующееся общество / Под. ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001. С. 64–76.

31. Glaser B, Strauss A. The discovery of grounded theory. Chicago: Adline, 1967.

32. Филиппов А.Ф. О понятии "теоретическая социология" // Социологический журнал. 1 997. N 1/2.

33. Akiwowo A.A. Contributions to the sociology of knowledge from an African oral poetry // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow, E. King. London: Sage Publ, 1990. P. 103-118.

34. Albrow M. Introduction // Globalizazation, knowledge and society / Ed. by M. Albrow, E. King. London: Sage Publication, 1990.

35. Бауман З. Пьер Бурдье и диалектика vita contemplativa и vita activa // Социологический журнал.

2002. N 3. С. 17.

36. Ахиезер А. Россия — расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. N 1.

37. Наумова Н. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. N 3/4. С. 5–28.

38. Федотова В. Трансформация "другой" Европы. М.: Ин-т философии РАН, 1997.

39. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд. Новосибирск: Ин-т экономики и организации промышленного производства. 2001.

40. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001. С. 21–44.

41. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996.

42. Филиппов А.Ф. Социология пространства как теоретическая альтернатива // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001. С 45–63.

43. Покровский Н.Е. В зеркале глобализации // Отечественные записки. 2003. N 1.

Добавил(а) Социология
06.09.10 09:22 -